
СЛОВО О ЮБИЛЯРЕ И ЕГО НОВОЙ КНИГЕ

(к 80-летию со дня рождения В.Г. Костомарова
и о его книге «Рассуждение о формах текста в общении».
М., 2008)

Порой в науке — как и в жизни: появится мода на что-либо, и определенная часть людей ее подхватывает. Через некоторое время мода меняется, меняют свои пристрастия и ее приверженцы.

За аналогичными примерами в науке ходить далеко не приходится. Скажем, в 60-е годы минувшего столетия языковеды увлеклись математической лингвистикой. Эта мода господствовала более десятилетия. Наряду с прекрасными результатами ее приверженцы порой переходили грань разумного. Например, отдельные «структуралисты» призывали судить о мировоззрении того или иного писателя по **количеству** используемых им слов, обозначающих то или иное понятие (*любовь, совесть, общество, человек* и т.д.).

Далее увлечение определенной части лингвистов породило теорию «порождающей грамматики», затем «когнитивной лингвистики», «концептологии». В этом же ряду можно поставить значительный поток трудов, в которых исследуются различные проблемы **текста**. С накоплением большого количества публикаций по проблеме появляется необходимость в обобщающем труде, своеобразном «путеводителе».

В роли такого «экскурсовода» выступает книга выдающегося русиста нашего времени Виталия Григорьевича Костомарова «**Рассуждение о формах текста в общении**» (М., 2008), которая состоит из «Обоснования», пяти исследовательских глав и «Библиографии».

В «Обосновании» автор, как и приличествует умудренному мастеру слова, в эпической тональности начинает свое «Рассуждение» с раскрытия значения звукового языка в жизни. Поистине прав ученый, говоря, что величайший дар ее мысленных звуков обеспечивает процесс получения сведений, обмена ими, выработке общего мнения. В то же время «неуловимая летучесть добытой информации, результат **действия** (его ткани, текста!), естественна в повседневной текучке, но нетерпима и требует усердного заучивания наизусть, если он важен, весом, достоин запоминания, даже нетленности, как религиозное историческое знание или научные и художественные достижения» (с. 3).

Вот такими скупыми, но поэтически точными мазками рисует автор много-тысячелетнюю историю нескончаемого поиска **форм** опредмечивания — закрепления, хранения и воспроизведения нужных **текстов**. Основной формой сохранения и передачи текстов (в пространстве и времени) стали, как известно, четыре типа письменностей (идеографический, словесно-слоговой, собственно силлабический и буквенно-звуковой).

Наряду с этим величайшим изобретением человеческого интеллекта в нашу эпоху появилось удивительное многообразие аудиовизуальных средств опредме-

чивания текстов. Они вступают в своеобразную конкуренцию с традиционной бумажной фиксацией и порой превосходят последнюю по некоторым параметрам: для рассылки и передачи, быстроты в поиске и др. Однако, как справедливо отмечает автор, письменная форма «до сих пор главенствует, даже обоготворяется в нашем русском, исторически лингвоцентрическом сознании» (с. 4). Важнейшая из причин этому в книге видится в том, что именно письменно (печатно) определенные тексты стали основой, на которой развилась книжность текстов и их книжный язык. Автором справедливо подчеркивается и тот непреложный факт нашей действительности, что литература, главным образом художественная, служит у нас непререкаемым образцом правильности языкового выражения.

Существуют разные виды общения, реализующиеся в диапазоне между персональным (двух человек) и массовым (многих миллионов сразу). В соответствии с этим, по Костомарову, реализуются разные формы и воплощения текста. Это создает ситуацию, когда мы имеем возможность облечь в любую форму любой текст. Но ставится вопрос: «Значит ли это, что выбор форм и их сочетание безразличны, что один и тот же текст можно преподнести в любой форме?» (с. 6). Сам автор стоит в поставленном вопросе на том, что надо провести «разделение труда» между разными формами, соотнося их с разными видами общения. Этот ответ на вопрос, по нашему мнению, носит принципиальный характер не только в чисто филологическом плане, но и (если взять шире) зачастую и нравственном, этико-эстетическом. Не зря сам автор подчеркивает, что мы стали богаче с получением новых форм реализации и **осуществления текстов**, но «известная беда нуворишей состоит в том, что они не знают, что делать с привалившим богатством» (с. 6).

Для дальнейшего рассуждения в книге обозначены девять вопросов:

- 1) безразлично ли для текста, в какой форме он реализуется;
- 2) если в принципе любой текст можно реализовать в любой форме, то в каких пределах он может деформировать его;
- 3) привязаны ли формы к видам общения;
- 4) каковы в сравнении преимущества и недостатки разных форм;
- 5) можно ли говорить о конкуренции форм;
- 6) каковы перспективы «синтезирующей» формы, не вытеснит ли экран (дисплей) книгу;
- 7) существенны ли различия восприятия текста (текстов) разных форм;
- 8) как достичь сосуществования и сотрудничества всех форм;
- 9) меняется ли общественная оценка текстов в разных формах?

Перечисленные вопросы обсуждаются на основе существующей литературы, а в большей части, как отмечает автор, чисто интуитивно.

Так, ответ на вопрос об оценке обществом разных форм реализации текстов автор начинает с истории письменной формы, оказавшейся самым древним и удачным, «бесконечно стойким техническим изобретением». При этом подчеркивается, что для большинства народов, включая русский, предпочтительнее оказалось передавать не смысл, а звучание. Этот способ фиксации текстов, подчеркивает ис-

следователь, играет столь важную, основополагающую роль, что он обожещается людьми. Скажем, русские, как и многие другие народы, кто без малого тысячу лет успешно пользуется азбукой, пришедшей с православной верой.

На страницах книги мы читаем образный рассказ-повествование о роли и выдающихся особенностях письменности как формы человеческого общения. Хотя прогресс цивилизации с каждым новым своим шагом заменяет часто что-то привычное, но все же письменность не теряет своих особенностей. Она подарила людям, отмечает наш автор, чудесную возможность **работать с текстами и над текстом**. Это, само собою, не только нужное, но и увлекательное занятие.

В книге мы находим немало восторженных характеристик «книжного языка», т.е. литературной речи, являющейся плодом неустанных забот ученых-специалистов и поэтов (писателей). Отметив, что в России писатель всегда учитель жизни, В.Г. Костомаров ставит извечный вопрос: «может ли правда искусства быть выше правды жизни?» Это зависит от того, есть ли различие между правдой жизни и правдой искусства... Можно было бы тут опереться и на формулу: «суть истины не в правде, а в любви»...

Автор книги, давая столь высокую оценку письменной форме овеществления текста, не умаляет и значение других форм, ибо сегодня любая книга в буквенной кодировке на бумаге может кодироваться цифровым способом. Например, 25% хранилищ Библиотеки Конгресса США уже существуют в цифровой форме, экономичной и удобной для безопасного, надежного хранения.

Вот в таком спокойном, сбалансированном тоне завершается рассуждение о письменных («бумажных») текстах. Автор, не скрывая своего восторженного отношения к письменной форме представления текста, в то же время отмечает неизбежность существования других форм (в частности, электронных). Принцип при этом не «или—или», а «и—и». А выбор за временем и конкретной ситуацией.

Столь же мудрое и сбалансированное рассуждение мы находим во второй главе «Вечный поиск форм овеществления: поиск возможностей консервации самого реального общения, звучащего и поддержанного обстановкой личного контакта и поиск иной, кроме письменной, формы условно-символического опосредствования». Ученый в ходе своего богатого конкретными фактами «рассуждения» предлагает осовременить щербовское определение текста, опирающееся на «литературу, рукописи, книги», и включить в него «совокупность всего говоримого и понимаемого» (с. 34).

Соответственно автор анализирует богатый и разнообразный материал, иллюстрирующий факты существования сегодня самых различных форм реализации текста. Справедливо указывается на то, что люди в наше время все чаще обращаются к изобразительности, все охотнее пользуются символикой, приобретающей к тому же международный характер (знаки дорожного движения, указатели и обозначения складываются в надъязыковые интернациональные семиотические системы).

После анализа различных проявлений и форм презентации текста наш маститый ученый-филолог с некоторой грустью пофантазировал и задал себе вопрос:

«Станут ли новые синтезирующие формы материализации, подобно письменности, базой для создания чего-то великого, равноценного книжности и книжному языку, и заменят их?» Представляется, он несколько призадумался и с удовольствием оптимистически заключил: «Последнее просто невозможно, потому что это такие сокровища, которые было бы неискупаемым грехом забыть. От добра добра не ищут» (с. 34). И мы полностью поддерживаем в этом нашего коллегу.

Третья глава посвящена разговору о «Звучащих (устных) текстах».

В данном разделе подробно обсуждаются вопросы взаимосвязи и взаимодействия разговорных текстов с письменными. По своему обыкновению автор раскладывает всю палитру взаимовлияния двух видов текстов, показывая их общие и отличительные особенности. Некоторые специалисты (Е.А. Земская, О.А. Лаптева, О.Б. Сиротинина и др.) доказывают факт существования в русском языке двух «языков»: кодифицированного литературного и разговорного. Отмечая некоторое приниженное отношение к звуковому общению, наш автор восклицает, что это «...явно временно! Уже сегодня ясно, что книжные тексты обретаются в звуке не реже, чем на письме» (с. 71).

«Синтезирующие» («дисплейные») тексты обсуждаются в четвертой главе. Автор указывает на чудесную возможность их объединения даже в одном произведении, на протяжении одного коммуникативного акта. Этот синтез обеспечивается сложнейшими орудиями — аудио- и видеоаппаратурой (на месте органов речи, пера, кисти, микрофона...) и новейшими носителями — электронными и цифровыми (на месте памяти, бумаги, холста, грампластинки, магнитных лент, кассет и др.). Дисплейная форма обладает способностью обращаться к любому виду реализации текста, ко всем сразу или чередуя.

Ради терминологической четкости всю стоящую за экраном сложнейшую аппаратуру автор называет упрощенно **дисплей** или **дисплейный**.

В книге рассматриваются вопросы, встающие перед исследователями реализации текстов, переплетающихся с персональными и массовыми видами общения. Например, воспроизводство паралингвистических элементов в массово-коммуникативных текстах газеты, радио, кино, телевидения.

Отмечая факт расхождений между **устной** и **разговорной**, а также между **разговорной**, **книжной** и еще третьей разновидностью русской речи — **массмедийной**, автор тем не менее призывает коллег «не усложнять дело до признания **третьей**, предпочитая мысль о едином русском образованном (нормированном литературном) языке» (с. 59). И тут опять заметим как бы в скобках: наш крупнейший знаток русского литературного языка «выдает себя с головой», не скрывая своих чувств любви к русской культуре!

В заключительной, пятой главе мы находим столь же компетентный и заинтересованный разговор о «Восприятии разных видов в разных формах». Пожалуй, в данном разделе особенно ярко проявилась философская окраска рассуждения автора. Этого требует сам обсуждаемый материал, связанный с разными аспектами познания. В разделе подробно анализируются особенности восприятия текстов в различных формах их овеществления. Автор, в частности, призывает

различать разные виды дисплейных текстов — как минимум телевизионные, видео, интернет-сайты. Отмечается, что от книжной культуры письма мы все заметнее переходим к дисплейной культуре звука звучащего языка, вообще звука и изображения (с. 71—72). Говоря о дисплее, автор призывает думать о том, чем он может очеловечить или обезчеловечить нас (с. 78).

В конце книги приводится библиография, содержащая 46 единиц наиболее ценных трудов по обсуждаемым проблемам.

Заключая наш обзор новой монографии В. Г. Костомарова, мы с удовольствием отмечаем, что она относится к наиболее ярким и значительным творениям автора. Несмотря на незначительный объем (82 с.), ее можно назвать фундаментальным трудом по проблемам текста; не зря говорится на Руси: мал золотник, но дорог!

Несколько нарушая жанр рецензии, мы бы хотели продолжить разговор о научном творчестве В.Г. Костомарова, ведь ему 3 января 2010 года исполняется 80 лет. Этот возраст ученого-обществоведа считается зрелым.

Виталий Григорьевич Костомаров родился 3 января 1930 года в Москве. В 1952 году окончил МГУ им. М.В. Ломоносова, а годом позже МГПИИЯ им. М. Тореза. В 1955 году защитил кандидатскую диссертацию, а в 1970 году — докторскую. Ученое звание доцента получил в 1961 году, а профессора — в 1971 году.

Наш юбиляр является одним из самых крупных специалистов в области русистики, его научные интересы охватывают широкий круг проблематики: стилистика, культура речи, лингвострановедение, лексикология, проблемы преподавания русского языка. По этим проблемам им опубликовано свыше 350 работ, включая 15 монографий, три из которых переведены на иностранные языки. Наибольшую популярность получили книги: «Культура речи и стиль» (М, 1960); «Русский язык на газетной полосе. Некоторые особенности языка современной газетной публикации» (М., 1971); «Русский язык среди других языков мира» (М., 1994); «Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс медиа» (М., 1994); «Язык и культура» (М., 1990) (совм. с Е.М. Верещагиным).

Важным направлением научной деятельности В.Г. Костомарова явилась социолингвистическая проблематика в части изучения роли и места русского языка в языковом развитии человечества, а также определения на этом материале лингвистической категории языка широкого международного употребления. Теоретические изыскания здесь оказались непосредственно связанными с задачами преподавания русского языка в иностранной аудитории. По этой тематике им опубликованы книги: «Перспективы русского языка в постсоветский период» и «Образование в странах — наследницах Советского Союза и русский язык» (на немецком языке).

В.Г. Костомаров внес серьезный вклад в описание русского языка в целях его преподавания. Ему в значительной мере принадлежит заслуга разработки таких общепризнанных направлений лингводидактики, как активная коммуникативность, учебная лексикография, лингвострановедение. По этим проблемам им опубликованы (в соавторстве) книги «Язык и культура» (4 издания) и удостоенная в 1979 г.

премии АПН СССР им. Н.К. Крупской «Лингвострановедческая теория слова», а также «Методическое руководство для преподавателей русского языка как иностранного» (3 издания), «методика преподавания русского языка как иностранного», «Словарь грамматических трудностей русского языка» (3 издания).

Он автор и редактор ряда учебных книг, в частности комплекса «Русский язык для всех», выдержавшего 17 изданий и удостоенного в 1979 г. Государственной премии СССР, книги для школьников «Читая и почитая Грибоедова».

В.Г. Костомаров уделяет много внимания подготовке научных кадров в области русистики, под его руководством защищено 27 диссертаций.

Плодотворна деятельность В.Г. Костомарова по пропаганде русского языка за рубежом. Он участник и организатор различных международных встреч преподавателей русского языка как в России, так и за рубежом. В.Г. Костомаров был одним из инициаторов создания Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, постоянно избирался ее Генеральным секретарем; с 1994 по 2003 г. являлся Президентом этой ассоциации. В 1990—1992 гг. он возглавлял Академию педагогических наук СССР.

Много сил и энергии В.Г. Костомаров отдает научно-организационной работе. Он является главным редактором журнала «Русская речь», несколько лет был председателем экспертного совета ВАК по филологии и искусствоведению.

В.Г. Костомарову присвоено звание «Заслуженный деятель науки РФ» (1995), он награжден орденами «Знак Почета» (1969) и «Дружбы народов» (1980), медалями «За доблестный труд...» (1970), «Ветеран труда» (1989), «В память 850-летия Москвы» (1997), а также медалями Монголии (1973), Болгарии (1978, 1982) и др.; избран почетным доктором университетов им. Гумбольдта (ФРГ), им. Я.А. Коменского (Словакия), им. Я. Паннониуса (Венгрия), Колледжа Миддлбери (США), университетов в Шанхае и Харбине (КНР), является лауреатом премии Президента РФ в области образования за 2000 г.

В.Г. Костомаров избирался депутатом Черемушкинского райсовета (1982—1985) и Моссовета (1985—1987).

При всех своих регалиях В.Г. Костомаров остается простым и благожелательным человеком, всегда готов прийти на помощь любому, кто в ней нуждается. Эта черта нашего юбиляра прибавляет ему уважения со стороны тех, кто его знает.

Пожелаем выдающемуся ученому Виталию Григорьевичу Костомарову долгих лет здоровья и дальнейших научных достижений!

В.Н. Денисенко, М.И. Исаев, В.М. Шаклеин